
М.В. КАРДАНОВА,
Главный библиотекарь
Российской государственной детской библиотеки

Кьеркегор в «Сказке» Андерсена

ОТ АВТОРА: *Уважаемая редакция!*

Предлагаю нашим читателям статью о знаменитом датском философе и писателе Серене Обю Кьеркегоре (1813–1855), которого соединяли непростые литературные отношения с другим, более известным соотечественником, — Андерсеном. В статье предлагается еще одна, «сказочная», версия их отношений. Два взгляда на мир, «оба — романтики: один мечтает о принцессе, другой — о познании тайн бытия». Оба — правы? «Между ними была бесконечная дистанция. Один — непосредственный, оживленный, искренний. Другой — нервный, ироничный, претенциозный. Но крайности сходятся: единство рефлексии-в-себя и рефлексии-в-иное».

*Человек — человек, слово — слово.
Датская поговорка*

Кьеркегор не любил сказки Андерсена. Не любил и самого сказочника, считая его чудачком, смешным книжным персонажем, забывшим вернуться на пыльную библиотечную полку (1). Критическое отношение разрослось в целую книгу, первую из изданных им: «Из записок еще живущего человека, изданных против его воли. — С. К.», 1838 год.

Главный обвинительный тезис датского философа и литератора состоял в том, что у сказочника «отсутствует мировоззрение», что он «только скрипач», причем неуспешный. Вероятно, истории его собственного сочинения казались ему предпочтительнее, поскольку существовали в контексте сложных логических и психологических построений (2).

На этот недружественный выпад в «Сказке моей жизни» Ханс Кристиан Андерсен ответил так: «Для чтения она вышла тяжеловата, смахивала по стилю на философский трактат Гегеля, и многие говорили в шутку, что только Кьеркегор да Андерсен и прочли ее до конца» (3).

Мало того, он сделал Кьеркегора постоянным антиперсонажем своих историй. Автор экзистенциальной сказки в нетрадиционном понимании волшебного торжества/сомнения добра над злом чувствовал в нем, несмотря на критику, родственную душу: «Я покажу тебе моего брата, его тоже зовут Оле Лукойе, но он никогда, ни к кому не приходит больше одного раза. Но того, к кому приходит, сажает на свою лошадь и рассказывает ему истории. Он знает всего две — одна так бесподобно прекрасна, а другая так ужасна и чудовищна, что... словами не описать! И Оле Лукойе поднес маленького Яльмара к окну и сказал: «Смотри, вот мой брат, второй Оле Лукойе»» (4).

Со временем ему становится ясным и сходство судьбы Кьеркегора с его собственной. Они оба — романтики: один мечтает о принцессе, другой — о познании тайн бытия. Мотив прекрасной, но обреченной мечты сопровождает каждое их произведение. Возможно, наоборот?! Их сопровождает вера в то, что мечты могут и должны сбываться. Философ и сказочник, мыслитель и поэт, соединенные временем, датским королевством и экзистенциальным творчеством, становятся героями не одной истории.

В ней есть рассказчик, живущий в бедном и сером мире. Нет, наоборот. Мир яркий, солнечный, дивный. Поют птицы и цветут розы. Непременно розы. Ведь это символ романтизма: «Их было великое множество, причем самых разных, начиная от дикой изгороди с зеленой листвой, отдающей яблоками, и кончая красивейшими розами Прованса, и они поднимались по стенам замка, обвивали колонны и подоконники, проникая по переходам в залы, устремляясь к самому потолку; и у каждой был свой запах, форма и цвет» (5).

Есть там и антирассказчик, адвокат экзистенциональной иронии:

— Что проку в розах? Смотри да нюхай, и только, ну, разве еще к шляпе прикрепить можно. Вот таков их жизненный путь, и хороши они лишь для глаз и для носа. Так и знайте!

— Да, но мне кажется, все мы, живущие на земле, должны делиться с другими лучшим, что в нас есть! Отдавать им все, что можем!.. Да, я дал миру только розы... А вы?

— Погодите, придет и мое время! Я дам миру кое-что поважнее этих роз, орехов или молока, что дают коровы и овцы.

— Я многого ожидаю от вас. Позвольте же узнать, когда это будет?

— Время терпит. Это вот вы все торопитесь! А торопливость ослабляет впечатление.

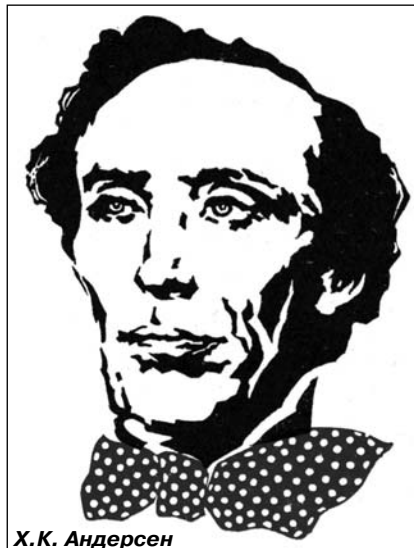
— Как печально! А я и хотел бы, да не могу замкнуться в себе. Мир так прекрасен. У меня все прорывается наружу, прорывается розами.

— Плевать мне на мир! Он мне ни к чему! Мне дела до него нет! Снабжайте его розами, вас только на это и хватит! Пусть орешник дает ему орехи, коровы и овцы — молоко, у них своя публика! Моя же — во мне самом! Я замкнусь в себе самом — и баста (6).

У одного была, что называется, поэтическая натура, другой был сведущ в науках и остроумен. Между ними не было согласия. Да и откуда бы ему взяться, когда кто-то говорит нечто обратное тому, что он в действитель-

С. Кьеркегор

Х.К. Андерсен

ности думает или считает: «В тебе есть гениальность, но не хватает рассудительности. Ты метишь слишком высоко, поэтому люди тебя осаживают. Со мной они так поступать не станут, потому что я обошелся им дорого» (7).

Этот кто-то смотрел на себя как бы со стороны и наслаждался видом самого себя в этом положении. Ход его мысли был всегда продиктован эстетическими и этическими соображениями: наперекор тому, что есть в жизни, должны торжествовать красота и нравственность. Как идея, в своей возвышенности, чистоте, ясности, свободной от соответствия между конечным и бесконечным, условным и безусловным (8).

— Я вижу себя! Я вижу себя! О, как я блаженствую!

— Ты похож на того, кто сидит и долбит одну и ту же пьесу: дескать, добьюсь своего.

— Можно быть романтиком и все же оставаться по ту сторону добра и зла.

— И тогда смешное и безобразное перестанет быть смешным и безобразным?!

— Скорее, наоборот. Красота — нечто высшее! И в ее в

царство входят лишь избранные!

— Такие как ты?!

— Безусловно! (9).

Только «или-или» (10), когда «можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!» (11). Задумка настоящего тролля-«Соблазнителя». Ведь именно он «смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, все же негодное и безобразное, напротив, выступало еще ярче, казалось еще хуже» (12). Все ученики тролля — у него была своя школа — рассказывали о зеркале как о каком-то чуде, способном изменить взгляд на мир и всякую его частицу.

В конце концов, когда рвение их дошло до неба, а желание до насмешки над ангелом и самим Творцом, зеркало вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось на миллионы осколков. Они как песчинки разлетелись по белу свету и попадали людям в глаза или прямо в сердце, делая его ледяным. Каждый

начинал видеть все наизусть или замечать в вещах одни лишь дурные стороны, — ведь осколки сохраняли все свойства целого зеркала.

— А как же красивые ландшафты...

— Вареный шпинат!

— Замечательные люди?!

— Где они?! Одни уроды, стоящие на головах.

— А что ты скажешь о доброй, благочестивой мысли!

— Притворство, гримаса!

— Я просто не могу прийти в себя от удивления! Что же все это означает?!

— Посмотри в зеркало, — узнаешь! (13).

Персонаж, скрывающийся за выдуманными персонажами, имел много псевдонимов: Троль, Улитка, Попугай, Тень, Снежная королева и не относил себя к числу людей обыкновенных. Должно быть, ему очень хотелось добиться самопризнания, выбрать самого себя и стать хозяином самому себе. В какие жизненные обстоятельства попадают эти необыкновенные люди? Конечно, в сказочные!

Жил-был принц. Ни у кого не было так много прекрасных книг, как у него. Из них он узнавал обо всем, что произошло в мире и что отображалось в великолепных иллюстрациях. Он мог получить сведения о любом народе, о любой стране, лишь о том, где находятся райские кущи, не было сказано ни слова, а именно это и интересовало его больше всего. Однажды принц пошел в лес на прогулку и сбился с дороги. После долгих странствий и неожиданных встреч он оказался в желаемом месте:

— На что же оно похоже? Свежий зеленый лес? Святой храм? Или звездное небо, каким его можно видеть только с горных высей?

— Там было все!

— Но что именно? Величавые шествия древних богов? Борьба героев седой старины? Игры милых детей?

— Нет, совсем другое! Ах, зачем Ева сорвала яблоко с древа познания! Зачем Адам вкусил запретного плода!

— Ты сам не избежал соблазна!

— Да, правда. Но это было так прекрасно!

— И теперь райские кущи для тебя ушли глубоко под землю (14).

Заблудившийся путник имеет надежду как-нибудь выбраться. Но человек, заблудившийся в самом себе, попадает в круговорот, из которого нет выхода; мысли и чувства в нем мешаются, и он перестает понимать себя.

Он обманут своими надеждами и желаниями. Чувство, овладевающее им, не совесть, страх и отчаяние, а нечто вроде высшего, утонченного самосознания, которое не мучит его обвинениями, но лишь поддерживает его душу в вечно беспокойном состоянии, постоянно побуждая его метаться в поисках новых ощущений. Интересно было бы заглянуть в его будущее и увидеть проявления сил, обуславливающих содержание жизни (15).

Да что будущее! Смотрите в настоящее:

— Одна, две, три, четыре интриги зараз — вот моя стихия.

— Ну, ступай, только смотри — не пропади там!

— Все эти поэты видят себя трубадурами сегодняшнего дня.

— Не надо сердиться!

— Подожди. Я проникну в твоё нутро и наделю особой способностью: в любое время меняться со мной местами /16/.

Как-то ночью рассказчик проснулся. Дверь на балкон стояла настежь, ветер шевелил портьеры, и ему показалось, что балкон дома напротив озарен каким-то удивительным сиянием; цветы пламенели самыми чудесными красками, а между цветами стояла стройная прелестная девушка и, казалось, тоже светила. В ней были душа, страсть, фантазия — словом, все необходимые для героини данные, но они еще не прошли через *испытания субъективного размышления*. Возможно, это был авторский идеал, лелеемый им, — то ли идилическая пастушка или королевская дочь, а может быть, какая-нибудь Жанна д'Арк или ей подобная /17/.

Итак, сюжетный план предстоящей истории всецело основан на интересных и оригинальных положениях, и они должны быть запущены в ход. Вся суть в том, чтобы подметить, что в состоянии дать известная личность и чего она вследствие этого потребует от других сама.

— Я, как стрелок, то ослабляю тетиву, то вновь напрягаю, прислушиваясь к ее мыслям, — но я еще не прицеливаюсь серьезно.

— Разумеется, ты — Фауст, а Маргарита — ну, кто бы ей мог быть?

— При чем тут Маргарита! Корделия!

— Но она не из тех, кто отвечает на зло безропотной покорностью.

— Все это лишь подготовительные этюды. Точнее, записки, найденные в купленном по случаю старом бюро.

— Тебя не оставляет дух сомнения и насмешки?!

— Он мне необходим, чтобы не пострадать от чрезмерной систематичности моих действий.

— Да, во всем непременно есть какой-нибудь изъян.

— Нужно уничтожить все конечное, материальное, чтобы духовное, бесконечное обрело свободу.

— Хорошая фигура и высокая нравственность?!

— Да, природа создала ее прекрасной. Спасибо тебе, чудная природа. Однако же эстетическое и этическое развитие — моя заслуга, и скоро я получу награду (18).

Авторская точка зрения рождается в споре различных голосов, представляющих образы экзистенции или стадии жизненного пути. К разобраным позициям «эстетика» и «этика» добавляется еще одна — религиозная. Все приобретает какой-то особенный смысл в рассуждениях собеседников. Смутно чувствуется в обыденных формах новая внутренняя жизнь, которая скоро так или иначе проявит себя. Но сначала надо дать противнику выговориться, а затем одним словом все повернуть вспять.

— Я спешу на свидание; кто я, что я — не имеет никакого значения; все конечное, временное исчезло, остается вечное: сила любви, ее желание, ее блаженство.

— Осторожнее, прелестная незнакомка! Право, страх только увеличивает ее красоту.

— Мои отношения к ней чисто духовного характера, все равно что никакие!

— Я на вас походить не желаю.

— Этика, по-моему, одинаково скучна и в науке, и в жизни.

— Зато она дает нам выбор: добро или зло.

— Да, понимаю. Принцесса не захотела выйти за честного принца! Она не увидела смысла в соловье и розе, а свинопаса целовала за игрушки! Поделом же ей! А ты ушел к себе в королевство, крепко захлопнув за собой дверь.

— Ирония судьбы.

— Под ясным небом эстетики все прекрасно, легко, грациозно и мимолетно, а стоит только вмешаться этике, и все мгновенно становится тяжеловесным, угловатым и бесконечно скучным.

— Ты слишком доверяешь своему разуму!

— А ты — чувству! (19).

Субъективность, душевность и разумность. Человек чувствует, понимает, что такое добро и зло, и берется сделать выбор. Но он забывает о Вечности, слишком доверяя своему разуму. Подобно юному Каю, он никак не может

собрать заданное слово из множества ледяных кусочков. Путь спасения для человека закрыт: «Он смотрел на льдинки и все размышлял и размышлял, так что у него в голове трещало». Наступает кризис, отчаяние и страх перед будущим: «Он сидел прямо и неподвижно, можно было подумать, что он замерз на смерть» (20).

— Жуткое состояние! Холод, лед и логическая задача!

— Абсурдно!

— Поэтому верю!

— Я хочу мира и согласия между природой, человеком и вечностью!

— Узрев трех, ты хочешь одного?

— Возвышения над человеческой мудростью.

— Ветхозаветный сюжет: своя вера и вера за все человечество. И рыцарь, страдающий за всех.

— Главное — найти идею, ради которой я буду жить и умру.

— Вот это поучительно!

— Полезно иногда высказать свое мнение.

— И правильно делаешь!

Путь к вере не усыпан розами. Зато она сама — прекраснейшая из роз. Пусть даже к ней ведут отчаяние, страдание, страсть. Рыцарь веры всегда готов на жертвы. Даже тогда, когда он сомневается и убеждается в невозможности желаемого в земном выражении, ему хватает энергии, чтобы об этом помыслить. В бесконечном же смысле это, напротив, возможно, и возможно именно благодаря тому, что он сомневается (21).

Сомнение оборачивается обладанием: «Герда заплакала; ее жгучие слезы упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили лед и расплавили осколок. Кай посмотрел на Герду, а она запела псалом: “Уж розы в долинах цветут, / Младенец Христос с нами тут!”» (22). Они плакали и смеялись от счастья. От радости даже льдинки вокруг пустились в пляс, а когда устали и улеглись на место, составили то самое слово, которое велела Каю сложить Снежная королева; после чего он становился сам себе господином да еще получал от нее в подарок весь мир и пару новых коньков.

— Самые причудливые сказки вырастают из действительности.

— Опять ты о сказках!

— Да. Иначе мой прекрасный бузинный куст не появился бы из чайника.

— Бузинный или розовый?!

— Все равно.

— Нет, я придумал кое-что получше! Я стану

зодчим, вступлю на стезю художественную и умственную, поднимусь на одну ступень с вышестоящими в царстве духа.

— Это и впрямь кое-что.

— Я создам новый стиль, я придумаю нечто такое, что удовлетворяло бы национальному характеру и духу времени и прибавлю еще один этаж в честь самого себя.

— На что это похоже, и похоже ли вообще?

— Я не желаю быть последователем и подражателем, хочу быть гением, хочу быть всех способнее!

— Да, правду говорят, что слово — человек... (23).

Между ними была бесконечная дистанция. Один — непосредственный, оживленный, искренний. Другой — нервный, ироничный, претенциозный. Но крайности сходятся: единство рефлексии-в-себя и рефлексии-в-иное. Сходство становится выражением взаимного превосходства с одновременной попыткой компенсации внутренней слабости и неуверенности. История их отношений есть непрерывный, литературно осмысленный диалог, постоянная дискуссия о смысле жизни и творчества:

— Лучше быть свинопасом, которого понимают свиньи, чем поэтом, которого не понимают люди! (24).

— Довольно дерзко с его стороны было свататься к императорской дочке.

— Но он носит знаменитое имя, и сотни принцесс с радостью ответили бы согласием.

— Я наедине с моей мыслью и счастлив!

— Прежде чем гневаться, давай посмотрим, что там в ларце.

— Что-что! Соловей и роза.

— Настоящие?!

— Где там! Совсем наоборот. Принцесса ценит изящные вещицы для украшения.

— Правильно. Надо поощрять искусство. Ведь она дочь императора (25).

Известный персонаж полюбил избалованную, капризную принцессу, предлагающую, как и полагается принцессе, загадки многочисленным женихам. Даже не загадки, а творческие задания: «Написать текст, сочинить к нему музыку, а потом самому спеть» (26).

— Вот это будет настоящий жених, прямо «гений в три яруса, — скажет о нем народ» (27). Сочинение поставят на сцене, и автор сам выступит в главной роли. Премьера окажется неслыханным триумфом. Он победит в трех видах искусства одновременно. И тогда среди ликований он прямо на глазах у зрителей неожиданно откажется от возлюбленной и

уйдет, забрав с собой волшебное огниво:

— Огниво взял? — спросила ведьма.

— Ах, чуть не забыл! — сказал солдат, пошел и взял огниво. Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь и карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

Наконец-то он обладает тем, чего был лишен раньше. Однако такое обладание является одновременно и отказом от прежней жизни, хотя это обладание и не выступает абсурдным для рассудка; ибо рассудок сохраняет всю правоту в том, что для мира конечного, где он царит, это было и остается не/возможным. Сознание этого ясно присутствует для героя. Единственное, что может спасти его, — это признание абсурда, который он постигает с помощью веры. Только в вере открывается (познается) подлинная человеческая экзистенция, увиденная героем-философом как встреча единичной личности с самой собой и Вечностью как абсолютным Бытием (28).

— Ну вот, от чего ушли, к тому и пришли.

— Ты так думаешь?

— Не совсем.

— Сколько сил потрачено, и совершенно напрасно.

— А вы заважничали с тех пор, как разбилось на куски кривое зеркало. Прямо королевич!

— Это уж чересчур!

— У вас нет причин так грозно смотреть!

— Такому, как ты, вечно надо умника из себя строить. Бедный конфирмант!

— Вправду ли у вас хватит смелости отправиться со мной в широкий мир?

— Не в смелости дело. И потом, истину надо искать по правую руку, ведь именно там помещается все великое и прекрасное.

— Нет, слева, с той стороны, где сердце.

— Значит, мы уже не встретимся! (29).

Дальше он пошел один, и с каждым шагом грудь его все больше наполнилась уединенностью. Дорога шла через лес к высоким скалам и выходу к морю. Он поднялся на самую вершину. Перед ним открылась вся природа, которая казалась огромным величественным храмом. Королевич простер руки к небу, морю и лесу, и в тот же миг из правого придела вышел бедный конфирмант, мальчуган в куртке с непомерно короткими рукавами и в деревянных башмаках. Добрался он сюда уже давно, своей дорогой. Молодые люди поспешили друг другу навстречу. Взявшись за руки, стояли они в огромном храме природы и поэзии, а над ними торжественно звучал незримый ко-

локол, и блаженные духи в танце вились вокруг него под ликующее «Аллилуйя» (30).

Когда-то в книге «Из записок еще живущего» Кьеркегор писал, что *для создания цельной личности требуется две разноплановые индивидуальности*. Отношение к равным себе не играет, по его мнению, никакой самостоятельной роли. Другое дело — твоя противопо-

ложность, которая как раз и представляет интерес (31). Возможно, именно поэтому он был внимателен к сказке и сказочникам, соединяющим народные и литературные традиции, предания и современность, «язык простодушного ребенка и речь ученого мужа» /32/ и недолюбливал Андерсена как более удачливого соперника.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Паустовский К.Г. Великий сказочник.
www.skyart.com/andersen/about/paust/paustovsky.htm

2. Гренбек Бо. Ганс Христиан Андерсен. Жизнь. Творчество. Личность.

sem44.narod.ru/andersen/andersen_grenbek.htm

3. Андерсен Г.Х. Сказка моей жизни. — М.: Вагриус, — 2005. С.186.

4. Андерсен Г.Х. Собр.соч.: В 4-х тт. Т. 1. Оле_Лукойе. — С. 290–291.

5. Андерсен Г.Х. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. Прекраснейшая из роз. — С. 535.

6. Андерсен Г.Х. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. Соседи. С. 452. Т. 2. Улитка и розовый куст. — С. 300–301.

7. Андерсен Г.Х. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. Ка-лоши счастья. — С.190

8. Кьеркегор С. Дневник соблазителя. — СПб.: Азбука-классика, 2007. — С. 9.

9. Андерсен Г.Х. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. Тень. — С. 470. Разница, и большая. — С. 529.

10. «Или-Или» — главное сочинение датского философа и писателя Серена Кьеркегора (1813–1855), где рассматриваются основные экзистенциальные категории: личность, свобода, выбор, существование.

11–13. Андерсен Г.Х. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. Снежная королева. — С. 345–346.

14. Андерсен Г.Х. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. Райские кущи. С. 225. Тень. С. 475.

15. Кьеркегор С. Дневник соблазителя. — СПб.: Азбука-классика, 2007. — С. 54, 65.

16–17. Андерсен Г.Х. Собрание в 4-х тт. Т. 1. Тень. — С. 470–471.

18–19. Кьеркегор С. Дневник соблазителя. — СПб.: Азбука-классика, 2007.— С. 72,77–82, 107–109, 222.

20. Андерсен Г.Х. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. Снежная королева. — С. 377.

21. Рудановская С. В. Опыт абсурда в экзистенциальной философии.

www.humanities.edu.ru/db/msg/17509

22. Андерсен Г.Х. Собрание в 4-х тт. Т. 1. Снежная королева. — С. 377–378

23. Андерсен Г.Х. Собрание в 4-х тт. Т.1. Бужинная матушка. — С.385. Кое-что. С. 717

24. Кьеркегор С. Афоризмы // Писатели Скандинавии о литературе. — М.: Радуга, 1982. — С. 18

25. Андерсен Г.Х. Собрание в 4-х тт. Т. 1. Свинопас. — С.301

26–27. Гренбек Бо. Ганс Христиан Андерсен. Жизнь. Творчество. Личность.

sem44.narod.ru/andersen/andersen_grenbek.htm

28. Рудановская С. В. Опыт абсурда в экзистенциальной философии.

www.humanities.edu.ru/db/msg/17509

29–30. Андерсен Г.Х. Собрание в 4-х тт. Т. 1. Колокол. — С. 397, 399.

31. Кьеркегор С. Из записок еще живущего // Писатели Скандинавии о литературе. — М.: Радуга, 1982. — С.1532. Андерсен Г.Х. О сказке // Писатели Скандинавии о литературе. — М.: Радуга, 1982. — С. 19

